

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. В. КОКИЕВА В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОСЕТИНОВЕДЕНИЯ

Л. К. Гостиева

Статья посвящена деятельности С. В. Кокиева в области этнографического осетиноведения. Рассмотрено его творческое сотрудничество с выдающимся русским ученым В. Ф. Миллером в изучении языка, этнографии и фольклора осетин. Показано участие Кокиева в подготовке «Осетинско-русско-немецкого словаря» Миллера (составление осетинско-русского глоссария, формирование авторского коллектива и координация его работы по сбору словарного материала). Описана двухнедельная научная экспедиция Миллера в Осетию летом 1880 г. для сбора фольклорного материала для первой части его книги «Осетинские этюды». Отмечена помощь Кокиева в качестве сопровождающего экспедицию, в поиске информантов, хорошо знавших устное народное творчество, в записи текстов на новом для ученого дигорском диалекте и т.д. Особый акцент сделан на включение фольклорных и этнографических материалов Кокиева в книгу Миллера «Осетинские этюды». Рассмотрена информация Кокиева по общественному и семейному быту осетин, данная М. М. Ковалевскому в ходе научной экспедиции 1883 г. Акцентировано внимание на ценных материалах Кокиева по обычному праву, семейной общине, системе родства и терминах, обозначающих различные степени родства у осетин. Указано на использование полевых и публицистических материалов Кокиева в фундаментальном труде Ковалевского «Современный обычай и древний и закон». Проанализирована статья Кокиева «Записки о быте осетин», опубликованная в 1885 г. в первом выпуске «Сборника материалов по этнографии, издаваемом при Дашиковском этнографическом музее». Рассмотрены статьи Кокиева «Калым у осетин» и «Похоронные обряды у осетин», опубликованные в газете «Терские ведомости». Показано содействие Кокиева Миллеру в сборе материалов по грамматике осетинского языка, ономастике у осетин и других народов Северного Кавказа. В статье широко использованы письма Кокиева к Миллеру. Сделан вывод о значительном вкладе Кокиева в этнографическое осетиноведение.

Ключевые слова: С. В. Кокиев, этнография, общественный и семейный быт, обычное право, материальная культура, религиозные верования, ономастика.

The article is devoted to Savva Kokiev's activities in ethnographic Ossetian studies. His creative collaboration with prominent Russian scientist V. F. Miller in research of the Ossetian language, ethnography and folklore is considered. Kokiev's participation in preparing Miller's Ossetian-Russian-German dictionary (compiling Ossetian-Russian glossary, organizing the board of authors and coordinating data collecting for the dictionary) is shown. A two-week scientific expedition of V. F. Miller to Ossetia in summer of 1880 for collecting the folklore for the first part of his book «Ossetian etudes» is described. The assistance S. Kokiev provided in accompanying the expedition, in searching informants who knew oral folklore, in producing records in the Digor dialect new for the academician is being analyzed. Particular emphasis is placed on the inclusion of folklore and ethnographic materials provided by Kokiev into «Ossetian etudes» by V. F. Miller. The information Kokiev supplied to M. M. Kovalevsky during a scientific expedition in 1883 on social and family life of Ossetians is being investigated. Valuable materials on customary law, family community, kinship system, and terms denoting varying degrees of kinship among the Ossetians are highlighted, as well as the use of Kokiev's field data and published materials in the fundamental work of Kovalevsky «Modern custom and the ancient law». Kokiev's article «Notes on the life of Ossetians», published in 1885 in the first edition of «Collection of materials on the ethnography, published at the Dashkovsky ethnographic museum» is subjected to analysis. Articles, written by Kokiev «Bride price among Ossetians» and «Funeral rites of Ossetians», published in the newspaper of «Terek statements», are being considered. Assistance S. V. Kokiev provided to V. F. Miller in collecting materials on the grammar

of the Ossetic language, onomastics of Ossetians and other peoples of the North Caucasus is being assessed. The letters Kokiev wrote to Miller are reviewed. All this allows us to conclude that the contribution of S. Kokiev into ethnographic Ossetic studies was very significant.

Keywords: *S. V. Kokiev, ethnography, social and family life, material culture, customary law, religious beliefs, onomastics.*

Савва (Саукуй) Васильевич Кокиев родился в с. Махческ горной Дигории [1, 412], куда его семья переселилась из с. Садон Алагирского ущелья. Точная дата его рождения неизвестна, примерно это середина 40-х гг. XIX в. В 1852 г. семья Кокиевых переселилась в новообразованное с. Вольно-Христиановское. Савва начал свое обучение в школе, которую в 1856 г. открыл на свои средства священник Иоанн Мревлов. 25 ноября 1858 г. его перевели в алагирскую двухклассную приходскую школу. Он проживал в пансионе за счет средств Осетинской духовной комиссии. В сентябре 1861 г. Савву Кокиева в числе 16 учеников перевели во Владикавказское духовное училище, где он также жил в пансионе и содержался на средства Общества восстановления православного христианства на Кавказе (ОВПХ) [2, 9-10]. В одном классе с ним учились будущие просветители Осетии – Афанасий Гассиев и протоиерей Стефан Мамитов [3, 1].

В 1866 г. Савва Кокиев поступил в Александровскую учительскую школу, открытую в предместье г. Тифлиса, в Навтлуге. В учебно-воспитательном отношении школа находилась в ведении Главного инспектора учебных заведений на Кавказе и за Кавказом, а с 1868 г. – в ведении попечителя Кавказского учебного округа. Школа была открыта для подготовки учителей начальных училищ и была обязана направлять выпускаемых учителей в школы ОВПХ. Срок обучения в школе был три года. В 1869 г. Кокиев окончил Александровскую учительскую школу со званием учителя народных училищ [4, 463].

В августе 1869 г. Кокиев начал работать учителем пригготовительного класса Владикавказской реальной прогимназии, в которую было преобразовано Владикавказское

горское окружное училище. С 1 января 1874 г. реальная прогимназия стала Владикавказским реальным училищем. 20 августа 1878 г. Кокиев за выслугу лет был произведен в губернские секретари, а в 1881 г. «за отлично-усердную службу» награжден орденом Святого Станислава 3 степени [5, 20б., 3]. В числе его учеников было много будущих деятелей науки и культуры Осетии.

Кокиев проработал в училище более 20 лет. В 1891 г. его вынудили подать в отставку. Отставка Кокиева была связана с закрытием 5 января 1891 г. Владикавказского трехклассного училища с пансионом. Училище было преобразовано в 1866 г. из Владикавказской Ольгинской осетинской женской школы, открытой протоиереем А. Колиевым в 1862 г. Администрация Терской области считала, что расходы на женскую школу слишком обременительны и с каждым годом сокращала число воспитанниц. Совет ОВПХ решил закрыть школу или перевести ее в Закавказье.

Осетинская интеллигенция, глубоко обеспокоенная вестью о закрытии Ольгинской женской школы, решила обратиться с прошением к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву. Коста Хетагуров написал текст прошения, который содержал протест против закрытия женского просветительского учреждения и просьбу о возобновлении его деятельности. Пршение подписали шестнадцать представителей осетинской интеллигенции, в том числе и С. В. Кокиев.

В итоге школу удалось отстоять, решение о ее закрытии было отменено. Однако все лица, подписавшие прошение против закрытия школы, подверглись различного рода наказаниям. По поводу своей отставки Кокиев писал, что «...была у него воз-

буждена переписка с Попечителем Учебного округа... результатом которой было предложение выйти мне в отставку. Я ездил к попечителю для объяснения, он выразил свое сочувствие мне, но, вместе с тем, сознался, что он, как чиновник, не мог иначе поступить. Подал в отставку и живу свободным гражданином» [6, 111].

Местные власти расценили подписанное Кокиевым прошение как «протест и демонстрацию против существующего строя». Начальник Терской области С.В. Каханов настоял на его административной высылке из Терской области как неблагонадежного в политическом отношении. Кокиев был выслан в г. Ташкент, где работал в Управлении Оренбургско-Ташкентской железной дороги. О его пребывании в Ташкенте нам известно из воспоминаний Симона Такоева (1878–1938), который в это время служил в 82 пехотном полку вольноопределяющимся. С. Такоев писал, что в конце 1901 – начале 1902 г. он познакомился с С.В. Кокиевым, который работал конторщиком на железной дороге: «Я стал бывать у него и встречаться с железнодорожными рабочими, которые в первое время, глядя на мою военную форму, относились ко мне недоверчиво, но затем под влиянием Кокиева, они привязались ко мне. От них-то впервые усвоил цели и задачи рабочего движения, смысл забастовок» [7, 310].

После подавления революции 1905 г. Кокиев переехал в г. Ревель, где служил на вагоно-строительном заводе. В 1910 г. он скончался в г. Ревеле. Тело Кокиева было перевезено во Владикавказ и захоронено на городском кладбище. Могила его не сохранилась.

Осетиноведческая деятельность С.В. Кокиева во многом была связана с выдающимся русским ученым В.Ф. Миллером. В конце 1870-х гг. Миллер обратился к исследованию осетин. Летом 1879 г. он совершил первую из шести научных экспедиций в Осетию (1879, 1880, 1881, 1883, 1886, 1901). Во Владикавказе он искал представителей осетинской интеллигенции, хорошо знавших осетинский язык и тра-

диционную культуру. Познакомившись и пообщавшись со многими из них, ученый выбрал преподавателя Владикавказского реального училища С.В. Кокиева в качестве координатора по созданию будущего осетинско-русско-немецкого словаря. Миллер поручил ему составление осетинско-русского глоссария для словаря и формирование авторского коллектива, способного выполнить ответственную работу по сбору словарного материала.

В лице Кокиева Миллер нашел отзывчивого помощника и консультанта. В письме к Миллеру от 30 сентября 1880 г. Кокиев писал: «Еще с большей готовностью предлагаю себя и свои услуги Вам, чем чаще будете вопросами снабжать, тем мне будет приятнее. В этом прошу ничуть не сомневаться» [8, 134-135]. Кокиев с воодушевлением взялся за исполнение почетного и ответственного поручения ученого. Несколько месяцев у него ушло на разработку осетинско-русского глоссария для словаря. В декабре 1880 г. Кокиеву удалось завершить работу по составлению глоссария и переслать его Миллеру [9, 5].

На V Археологическом Съезде (Тифлис, 8-21 сентября 1881 г.) Миллер выступил с рядом сообщений, касающихся вопросов изучения осетинского языка: «О значении Кавказа для языкознания» [10, XL], «Об осетинском языке и его месте в группе иранских языков» [10, XLVIII-XLIX], «Программа для собирания материала по осетинскому языку» [10, С, CI, CII, CIII].

В «Программе...» Миллер официально поставил вопрос о необходимости составления осетинско-русского словаря и выразил готовность взяться за этот серьезный труд: «Одной из ближайших задач по изучению осетинского языка представляется составление более или менее подробного осетинско-русского словаря. Было бы желательно, чтоб этот труд, слишком обременительный для одного лица, был предпринят одновременно несколькими лицами. Чтобы осетинский словарь мог оказать пользу и западно-европейским иранистам, следовало бы присовокупить к нему перевод значений слов на немецкий или французский

яз[ык]. Для лингвистических целей было бы также желательно, чтоб осетинский язык был сближен с родственными языками иранской группы. Этот труд с готовностью взял бы на себя автор этой программы» [10, СIII]. Миллер заявил в своем докладе, что «научная разработка вопросов, касающихся фонетики, грамматики и истории языка, может быть предпринята только специалистами по сравнительному языковедению, но собирание материалов может быть с успехом предпринято всяким, кто практически знаком с приемами, необходимыми для подобных работ» [10, I].

При сборе материалов для осетинско-русского словаря Миллер предложил пользоваться научной транскрипцией, которую он использовал в первой части «Осетинских этюдов», обращать внимание на точное обозначение ударения, указал на важность записи оригинальных текстов (народные сказания, пословицы, песни и т. д.), а не переводов [10, CI, CII].

Для сбора словарного материала по осетинскому языку Миллер рекомендовал сформированному Кокиевым авторскому коллективу пользоваться составленной им программой. Авторский коллектив включал как светских, так духовных лиц. Кроме С. В. Кокиева в него вошли: И. А. Толпаров, Дигуров, И. Б. и И. Н. Шанаевы, Б. И. Туаев, С. А. Туккаев, священники А. И. Цаликов и И. И. Дзампаев. В письме к редактору газеты «Терек» от 3 июля 1883 г. (№ 78) Миллер перечислил фамилии членов авторского коллектива и отметил, что «каждый из них взял на себя по несколько букв из моего собрания с целью восполнить их незанесенными мною словами» [11, IV]. Встречаясь с трудностями при работе с авторским коллективом, Кокиев в письме к Миллеру от 21 октября 1880 г. писал: «Прошу твердо запомнить одно, что недостатка у меня во внимании никогда не будет. Если же происходят и упущения, недомолвки, обстоятельство, то причины от меня не зависят и совершенно должны быть понятны для Вас» [12, 7-8].

В письме от 15 ноября 1884 г. Кокиев сообщил Миллеру о ходе работы над слова-

рем: «В первой группе работали сам Кокиев и Дигуров, во второй Цаликов и Шанаев Ибрагим. Свою часть должен был лично передать Вс.Ф. в Москве Дзампаев, переселившийся в Баку. Толпаров и Шанаев Индрис завезли свою долю словаря в Екатеринослав, куда они переведены на службу в Окружной суд...» [1, 412]

Высоко оценивая деятельность осетинской интеллигенции по сбору словарного материала, Миллер писал: «Привезенный мною рукописный словарь, заключающий 2800 слов, на карточках, начал быстро пополняться, благодаря энергии, с которой взялись за это дело сами осетины. Есть надежда, что года через два словарь будет готов в рукописи. Слова будут переданы в транскрипции, введенной мною в Осетинских этюдах, снабжены ударениями и сравнениями с родственными словами других иранских языков. Кроме русского значения, при словах будет и немецкое. При словах иностранных будет указан их ближайший источник» [13, 203].

Секретарь Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ) В. В. Богданов отмечал вдохновенное и бескорыстное служение науке молодой осетинской интеллигенции: «С большим радушием к Вс. Ф. Миллеру и с горячей любовью к родной Осетии доискивались эти юноши слов и смысла осетинской речи, работая на этом новом для них научном поприще при самых неблагоприятных материальных условиях. Вс.Ф. платил им своей неизменной дружбой и откровенным признанием их заслуг перед наукой» [1, 413].

В последующие годы словарь продолжал пополняться. К сожалению, при жизни Миллера словарь не был издан. В 1913 г. после смерти ученого словарь, содержащий свыше 8000 слов, остался в рукописи на карточках и поступил вместе с библиотекой В. Ф. Миллера в Азиатский музей Академии наук. В 20-е гг. XX в. рукописный словарь был значительно доработан и расширен при участии В. И. Абаева, Гр. А. Дзагурова, Ц. Б. Амбалова, И. Т. Собиева,

М. К. Гарданова, М. А. Мисикова и других осетинских исследователей. В 1927-1934 гг. три тома «Осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера под редакцией профессора А. А. Фреймана были изданы Академией наук СССР [14].

Кокиев был одним из главных помощников Миллера по сбору материала для его будущей книги «Осетинские этюды». Летом 1880 г. он сопровождал ученого в двухнедельной научной экспедиции в Осетию. Миллер писал: «В этой поездке сопровождал нас природный дигорец, учитель в реальном Владикавказском училище г. Кокиев...» [9, 4]

Миллер ставил целью экспедиции сбор лингвистического и этнографического материалов: «Цель моей поездки в Осетию была лингвистическая и этнографическая... Познакомившись теоретически с осетинским языком по грамматике акад. Шегрена и текстам, изданным академиком Шифнером, поставил себе задачей – изучить на месте диалекты осетинского языка и записать в текстах произведения народной словесности, прежде всего т.н. нартовские (богатырские) сказания. Затем песни, сказки, местные предания и тому подобное» [15, 335]. Во время этой поездки ученый впервые лично познакомился с дигорским диалектом осетинского языка.

Маршрут экспедиции начался во Владикавказе, где Миллер записал от старика Таймураза Хетагурова и урядника Гаги Есенова тринадцать нартовских сказаний, которые позже разместил на осетинском и русском языках в первой части «Осетинских этюдов» [9, 14-70].

На армянском базаре Миллер и Кокиев купили бурку, переметную сумку для перевозки багажа верхом, башлык, провиант и отправились в Алагирское ущелье. По предложению Кокиева, в с. Салугардан они остановились в доме его родственника, священника Алексия Гатуева. Только благодаря родственным отношениям Кокиев смог войти в дом священника, который в это время отсутствовал. Как известно, посещение мужчиной чьего-либо дома в отсутствие хозяина считалось у осетин край-

не неприличным. Хозяйкой дома гостям для ночлега была предложена гостиная с европейской мебелью. Для Миллера это был первый случай ночевки под осетинским кровом.

В доме священника Гатуева ученый впервые познакомился с обычаями осетинского гостеприимства и этикета. Когда для гостей вечером был накрыт стол, то Кокиев предложил хозяйке дома удалиться, чтобы не вызывать чувства неловкости у ученого, поскольку по этикету женщинам полагалось стоять в присутствии мужчин. Миллер впервые встретился и с обычаем, по которому перед сном гостю полагалось обязательно снять сапоги. Первоначально это его шокировало, но за несколько дней ночевки в осетинском доме он к нему привык и старался не задерживать хозяев его исполнить. Миллер писал: «Чтобы не задерживать рано ложащихся спать осетин, мы, бывало, пораньше подвергнемся обряду и затем, когда сапогосниматель удалится, снова наденем сапоги» [15, 340].

Из Алагира Миллер и Кокиев отправились по Военно-Осетинской дороге до Садона. По пути ученый записывал свои впечатления о поселениях, жилищах и землепользовании осетин. В поездке Кокиев не упускал ни одной возможности, чтобы ученый узнавал как можно больше о традиционной культуре осетин. Сам Миллер отмечал, что когда они остановились перекусить в трактире, «мой спутник, заметив в духане фандыр – двухструнную скрипку – стал водить по ней смычком, издавая жалкие звуки, и спрашивал проезжих осетин, нет ли между ними фандыриста. Такового, однако ж, не оказалось» [15, 342].

В Нижнем Садоне Миллер и Кокиев остались на ночь. Вечером Миллер записал от старика-садонца «Сказание о Даредзанах» [9, 147-148, 148-149]. Проехав Верхний Садон, экспедиция перебралась через Згидский перевал в сторону Дигорского ущелья и остановилась в с. Камунта, одном из древнейших селений Дигории.

В поездке Кокиев выполнял такую важную задачу, как поиск информантов, хорошо знавших устное народное творчество.

Стремясь установить доверительные отношения со стариками Камунты, он обстоятельно объяснял им на осетинском языке цель поездки ученого в Осетию. Миллер писал по этому поводу: «Начались расспросы о цели нашего приезда; мой спутник, как природный осетин, знакомый с нравами и обычаями, старался всячески растолковать эту совершенно непонятную им цель, но по-видимому, безуспешно. У них, как мы заметили, сложилось убеждение, что мы путешествуем неспроста, не для того, чтобы слушать побасенки, а с какою-то тайною целью, тщательно скрываемою под пустыми предлогами» [15, 347].

Тем не менее, сбор материала в Камунте велся продуктивно. Миллер записал несколько преданий: «Предание о бадилятах», «Предание об осаде Галиаты Сахом», «Предание о ногайцах, живших некогда в Дигории», «Рассказ о Дигор-Кабане» [9, 140, 141-142, 152-154]. От Григория Дзилихова он записал «Предание о поселении дигорцев в Камунте» [9, 138], от одного из потомков 132-летнего База Дзилихова – «Предание о грузинской короне» [9, 141]. Миллер записал также несколько сказок: от Бимболата Бозирова – сказку «Человек, волк и лисица» [9, 82-83], от Иналука Дзилихова – «Сказку о балкарском и кабардинском охотниках» [9, 150-152]. Им также была записана «Сказка об Алыппе» [9, 154-156].

В поездке Миллер уделял внимание и археологическим памятникам. Вместе с Кокиевым он осмотрел известный могильник у с. Камунта и приобрел у местных жителей несколько предметов из могильников Камунты и Галиата. Пробыв в Камунте два дня, экспедиция направилась в сторону с. Стур-Дигора, по пути побывав в сс. Галиат, Уакац, Махческ. В с. Уакац Миллер внимательно осмотрел надмогильные памятники.

В долине Уруха у с. Нар Миллер и Кокиев побывали на могиле, которую местные жители приписывали нартовскому герою Сослану. Поздним вечером, миновав сс. Моска и Одола, они прибыли в Стур-Дигору, где остановились на ночлег в доме

местного священника Шио Схиртладзе. В этом селении Миллер записал от Баде Гобеева «Предание о великанах» [9, 92-96], «Предание о Хамицаевых» [9, 100-102], «Предание об Уаскерги» [9, 102-103], «Предание о великанах» [9, 137]. От Айдарука Цопанти им были записаны нартовские сказания: «Из сказаний о Сослане» и «Из сказаний о Батразе» [9, 145-147]. Миллер записал также предание «О крымском хане и приходе русских» [9, 143]. От Биаслана Хамицаева Миллер записал «Предание рода Хамицаевых» [9, 143-144].

При работе Миллера с информантами Кокиев помогал ему производить записи на новом для ученого дигорском диалекте. Миллер писал: «Мой спутник, г. К., которого предки выселились из Дигории на плоскость и который мог, хотя и не без труда, понимать дигорский диалект, повторял мне медленно слова стариков, и на бумаге они становились несколько понятнее, хотя нередко встречались слова, совершенно неизвестные в тагаурском... Благодаря г. К. мне все-таки удалось записать отчетливо довольно много текстов, по которым можно судить о характере дигорского наречия» [15, 361].

На другой день Миллер и Кокиев отправились в обратный путь по старому маршруту в Садон и в Алагирское ущелье. Переночевав в канцелярии Махческа, они отправились в Галиат, где приняли участие в похоронах умершего от дифтерита мальчика, младшего сына галиатского старика, с которым ранее познакомилась. Миллер писал впоследствии о том, как они выражали соболезнование: «Мы спешили: я остался в кругу мужчин, а г. К. вошел в кунацкую, чтобы повидать старика. В комнату, где лежал покойник, и он, как не родственник, не решался войти» [15, 365].

После ночевки в Садоне Миллер и Кокиев по дороге проезжали мимо древней нузальской церкви и крепости напротив с. Нузал. Далее они направились в святилище Реком, где в этот день проходило ежегодное празднество. Миллеру удалось даже попасть внутрь святилища. Позже он составил довольно полное описание святи-

лица Реком и совершавшегося в честь него праздника [15, 370-375].

Сразу же после возвращения во Владикавказ Миллер написал статью «В горах Осетии», которая основывалась на его дневниковых записях, сделанных в экспедиции. На следующий год статья была опубликована в журнале «Русская мысль» [16, 55-105].

Во второй научной экспедиции в Осетию Миллеру, при содействии Кокиева, удалось собрать богатый фольклорный материал, который был размещен в трех разделах («Сказания о нартах», «Сказки, местные предания и песни» и «Местные предания и сказки, записанные по-русски») первой части «Осетинских этюдов», опубликованной в 1881 г. [9]

В первом разделе «Сказания о нартах» Миллер также поместил «Сказание о Ростоме и Безане», которое записал в Алагире. Это сказание напомнило В. Ф. Миллеру известный эпизод из персидской поэмы Шах-наме – убийство Зораба его отцом Рустэмом. Кокиев в 1880 г. записал в с. Беслан вариант сказания о Ростоме и Безане, о чем сразу же написал Миллеру: «Сообщаю Вам очень любопытный и интересный факт, подтверждающий то сближение, которое Вы, в виде предположения, высказали, что Ростом (Даредзан) должен быть Рустэм. Я ездил в сел. Беслан, удалось записать новый вариант сказания о Ростоме, где упоминаются фамилии Туранта и Бакарта. Ростом убил владельца Туранова или Туранского» [12, 10].

Зная о варианте сказания о Ростоме, записанном Кокиевым, Миллер во введении к первой части «Осетинских этюдов» писал: «В одном варианте сказания о Ростоме, записанном г. Кокиевым в Беслане, как я знаю из письма ко мне г. Кокиева, про Ростом, между прочим, говорится, что он «амардта Туранти алдари» – т.е. убил властителя туранцев. Это подтверждает наше предположение о связи Ростом с персидским. Впрочем к осетинам иранское, быть может, перешло через посредство грузин» [9, 12]. В третьем разделе Миллер поместил еще один вариант сказания о Ростоме

(«Сказание о Дарезановых»), записанный в Садоне [9, 145-147].

При подготовке первого раздела Миллер привлек Кокиева и к проверке ударений в текстах: «Мы нашли нелишним снабдить осетинские тексты ударениями и для этой цели, не всегда доверяя своему слуху, перечли наши тексты два раза, первый раз в Владикавказе вместе с г. Кокиевым, второй раз в Москве вместе со студентом Петровско-земледельческой Академии дигорцем г. Туккаевым» [9, 4]. Высоко ценя помощь Кокиева, Миллер писал, что «...его содействию мы обязаны отчетливым воспроизведением в транскрипции дигорских текстов, которые в нашем собрании впервые являются в печати» [9, 4].

Во втором разделе «Сказки, местные предания и песни» Миллер поместил «Бахфæлдесун» («Посвящение коня»), записанное по-дигорски Кокиевым. Во введении Миллер отмечал: «Образчик речи, произносимой на могиле при посвящении коня покойнику. Сообщен мне г. Кокиевым из Владикавказа» [9, 13]. Как известно, первым содержание посвячительной речи изложил в 1844 г. академик А. М. Шегрен. Первая краткая запись текста посвячительной речи была сделана В. Цораевым и опубликована А. Шифнером в 1868 г. Известный историк-кавказовед Г. А. Кокиев писал: «Этот замечательный памятник, являющийся, кстати, в записи Кокиева наиболее полным и лучшим, был использован Миллером в его осетинских текстах» [8, 135].

В том же разделе Миллер опубликовал стихотворение «Сагъæстæ» («Думки») [9, 101-107], записанное в с. Христиановском от Магомета Саламова, который в свое время записал его от нескольких участников Дунайской войны. Во введении относительно публикации этого стихотворения Миллер отмечал: «Продукт нового, более художественного творчества. Песня сложена по поводу выселения осетин (магометан) вместе с чеченцами в Турцию в 1865 г. Во главе выселения, как известно, стоял осетин, бывший генерал русской службы, Мусса Кундухов. Всех выселилось около 22000 человек, большей частью чеченцев.

Между осетинами Кундухов увлек за собою несколько семейств своих родственников и родичей. Я имел под рукою довольно плохой список, который помог мне разбирать г. Кокиев» [9, 13].

При разборе стихотворения Кокиеву пришлось даже реконструировать одну из его строк. Миллер в примечаниях отмечал: «Этого стиха не было в списке г. Т. Он добавлен г. Кокиевым, чтобы дополнить строфу» [9, 132].

Изучая историю создания стихотворения «Сагъæстæ» («Думки»), Б.А. Алборов в своей работе «Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсуров» установил, что его создателем являлся не Муса Кундухов, а его племянник Темирболат Мамсуров. В 1926 г. Алборов записал один из вариантов песни от 62-летнего Магомета Саламова из с. Христиановского. При этом информант сообщил ему, что «передал записанный им тогда текст «Сагъæстæ» вместе с дигорскими пословицами приехавшему в Христианское село вместе со студентом-осетином Габуди Туккаевым и М. Ковалевским профессору В.Ф. Миллеру» [17, 187].

По мнению Алборова «стихотворение это компилятивное, сводное из стихотворения, принадлежащего перу Т. Мамсурова, народных стихов по поводу переселения, и стихов, составленных М. Кундуховым или о М. Кундухове. Обработал ли стихотворение в одно целое Т. Мамсуров или певцы, участники Дунайской кампании сами объединили в Стамбуле части различных песен, трудно сказать, пока мы не получим из Турции подлинного текста стихотворения «Sahæctæ» Т. Мамсурова» [17, 190].

В предисловии к первой части «Осетинских этюдов» Миллер вновь благодарил своих помощников в работе: «В заключение считаем приятным долгом принести нашу искреннюю благодарность гг. Кокиеву и Туккаеву за живое участие, которое они принимали в нашей работе. С.В. Кокиев взял на себя труд составить русско-осетинский глоссарий и доставил нам его из Владикавказа в декабре 1880 г. С.А. Туккаев помогал нам в занятиях в Москве в течение зимы и лета текущего года и доставил

два дигорских текста в наше собрание. Оба были нам полезны при объяснении отдельных слов и расстановки ударений» [9, 5].

Материалами Кокиева Миллер пользовался и в работе «Религиозные верования осетин», которая составила седьмую главу второй части «Осетинских этюдов», изданной в 1882 г. [18, 237-301]. В качестве одного из источников своей работы Миллер отметил сведения, сообщенные Кокиевым [18, 238].

В 1880 г. Кокиев передал Миллеру рукописи сказок «Слепой Бибо» и «Беседа черта с человеком», записанные им в Северной Осетии. По сведениям Г.А. Кокиева, сказка «Слепой Бибо» в печати не появлялась. Юго-Осетинский вариант сказки «Беседа черта с человеком», записанный со слов Дзидзола Кочиева, был издан в 1936 г. в книге «Фольклор Южной Осетии» [19, 433-434] и в книге «Осетинские народные сказки» [20]. Североосетинский вариант той же сказки лег в основу известной сказки К. Хетагурова «Лæскъдзæрæн» («В пастухах») [21, 180-191]. Полный текст сказки «Беседа черта с человеком» не был опубликован. По данным Г. Кокиева, начало этой сказки утрачено, а окончание случайно сохранилось в письме С.В. Кокиева к Миллеру от 21 октября 1880 г. [8, 135].

Летом 1883 г. В.Ф. Миллер вместе с известным юристом и социологом М.М. Ковалевским совершили экспедицию в горские общества Кабарды и в Осетию. Незадолго до поездки Миллер привлек Ковалевского к работе Этнографического отдела ИОЛЕАЭ, председателем которого он являлся. 9 апреля 1883 г. Ковалевский был избран секретарем отдела (с 25 января 1885 г. – товарищем председателя отдела). Миллер пригласил Ковалевского в совместную поездку, пробудив у него интерес к изучению кавказского этнографического материала.

Первая часть экспедиции проходила на территории современной Кабардино-Балкарии, в основном в горных обществах Балкарии. Миллер ставил целью поездки определение границ распространения исторической территории алан – предков осетин, Ковалевский – сбор материала по

обычному праву и общественному строю балкарцев. Экспедицию сопровождал сын балкарского просветителя Исмаила Урусбиева – Сафарали Урусбиев, с именем которого связана первая публикация караево-балкарского нартского эпоса (1881).

Во второй части экспедиции, которая проходила в Осетии (Владикавказе, Ново-Христиановском, Алагире и Ардоне), ученых сопровождал С.В. Кокиев. В ней принимал участие и его бывший ученик по Владикавказскому реальному училищу Соломон Туккаев. Главной целью поездки в Осетию для Миллера было изучение южно-осетинского говора и составление осетинско-русского словаря, для Ковалевского – сбор материалов по обычному праву осетин.

Миллер порекомендовал Кокиева Ковалевскому в качестве информанта. В ходе экспедиции Кокиев предоставил Ковалевскому большой материал по общественному и семейному быту, обычному праву осетин. В 1979 г. видный этнограф-кавказовед Б. А. Калоев в приложении к книге «М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа» впервые опубликовал «Полевые записи М. М. Ковалевского в Северной Осетии и Балкарии», которые содержат обширные материалы по обычному праву и общественному строю осетин и балкарцев [22, 157-176]. Одним из разделов полевых записей значится раздел II «Осетины. Показания Саввы Васильевича Кокиева, уроженца Терской области» [22, 163-166].

Кокиев сообщил Ковалевскому о том, что в 1877 г. он выступил в качестве одного из третейских судей в деле о споре между царгасатами и крестьянами за владение выгонным местом Харес и изложил ученому подробности этого давнего конфликта. Кокиев дал обстоятельную информацию Ковалевскому об одном из случаев примирения кровников в одном из плоскостных сел Осетии, в котором принимал непосредственное участие в 1875 г. Он был приглашен стороной убийцы вместе с девятью другими лицами, чтобы выпросить прощение у пострадавшей стороны.

Кокиев подробно описал права и обязанности членов семейной общины осетин. В качестве примера он привел семейную общину своей матери, которая насчитывала в 1860-1863 гг. около 30 человек. Кокиев отметил, что для семейной общины было характерно общее владение движимым и недвижимым имуществом и общее потребление производимого ее членами дохода. Личный заработок (жалованье священника или учителя) передавался в общую семейную кассу. Он подчеркнул такой важный момент, как появление личной собственности: «Пряжа составляла частную собственность пряжи» [22, 164]. Ковалевский считал, что появление личной собственности у отдельных членов семьи было одним из факторов раздела семейной общины: «Недаром же пряжа является повсюду, в том числе и в Осетии, одним из первых объектов индивидуального присвоения и получаемый от продажи или обмена ее доход поступает, как общее правило, в личное распоряжение не старшей в семье женщины, а самой пряжи и ее мужа» [23, 104].

Большое внимание в своей информации Кокиев уделил разделу большой семьи, порядку распределения имущества, из которого выделяли доли для старшего и младшего братьев. Он указал на то, что раздел имущества производился при помощи выборных лиц. Кокиев осветил брачное право осетин, взаимоотношения родителей и детей, права отца по отношению к детям от законной жены и от номылу.

При рассмотрении свадебных обрядов осетин Кокиев подчеркнул, что размер калыма (*ирад*) за невесту доходил до 100 руб. и выплачивался чаще предметами, чем деньгами. Кокиев указал и на другую форму брака – путем похищения или умыкания невесты. По его данным, случаи похищения невесты женихом встречались редко. Кокиев описал обычаи избегания, которые проявлялись и в том, что после свадьбы дочь и зять не могли появляться в доме тестя. Для дочери запрет прекращался с момента рождения ребенка.

Кокиев познакомил Ковалевского с системой родства, которая была одной из ма-

лоизученных проблем этнографии осетин, и сообщил ему термины, обозначающие различные степени родства

Кокиев отметил появление завещательных распоряжений, которые, правда, по его мнению, встречались редко.

Информация Кокиева была широко использована Ковалевским в его капитальном труде «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (1886). Многие его материалы пополнили первый том книги (глава I. «Религиозные верования и общественное устройство осетин», глава V. «Семейное право осетин», глава VI. «Система родства и наследования»). Отмечая заслуги Кокиева как информанта, Ковалевский писал: «Все сообщенное в тексте о родстве и свойстве – результат личных расспросов, сделанных мною как в Алагире, так и во Владикавказе у стариков, местных священников и учителей – родом Осетин. Многими сведениями на этот счет я обязан в частности г. Кокиеву, родом Дигорцу, ныне учителю гимназии во Владикавказе» [23, 311].

Высоко оценивая труд М. М. Ковалевского, известный этнограф-кавказовед М. О. Косвен в 1961 г. в своей книге «Этнография и история Кавказа» писал: «В частности, по осетинам Ковалевский дал монографию, являющуюся по своей обширности, разносторонности и содержательности и по сей день единственной для этого народа и исключительной в этнографической литературе по Кавказу вообще. Надо еще раз отметить этнографическую методику Ковалевского, мы говорим об интенсивности его полевой работы, использовании архивов, судебных дел, литературы, – стоящую на таком высоком уровне, что ничего равного Ковалевскому в этом отношении нет не только в этнографическом кавказоведении, но и во всей русской дореволюционной этнографии... Ковалевский первый ввел кавказский этнографический материал в широкое научное обращение» [24, 243].

Результаты экспедиции В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского в Осетию нашли отражение в статье Миллера «Сообщение о

поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года» [13, 198-204].

Периодически Миллер обращался к Кокиеву с разными заданиями и поручениями. В начале осени 1880 г. он попросил его съездить в Балкарию, чтобы выяснить кое-какие научные вопросы. К огорчению Кокиева, он не смог сразу же выполнить просьбу. В письме к Миллеру от 30 сентября 1880 г. он писал: «В Балкарию не ездил, так как Абаев сильно болен, а без него нельзя было. Лесничий Гозданов извиняется опять, времени у него мало, обещает через месяц» [1, 410-411].

Чуть позже Миллер попросил его проанализировать осетинские имена, с тем, чтобы установить, какие из них собственно осетинские, а какие заимствованы у соседних народов. Этот вопрос интересовал Миллера в связи с изучением этногенеза осетин. Как известно, он был первым ученым, который обратился к изучению осетинских имен.

В письме к Миллеру от 21 октября 1880 г. Кокиев писал: «Относительно имен, должен Вам сказать, они у нас на Кавказе сильно перепутаны и повсеместны: одни и те же имена попадают в Осетию, в Кабарде и у других племен. Поэтому вопрос о заимствовании пока труден и в связи с вопросом о старшинстве (в историческом смысле) кавказских народов» [8, 135]. По поводу осетинских женских имен Кокиев заметил: «У нас выбор женских имен слишком ограничен, потому что по выходе замуж девушка уже теряет в семье свое имя, а ее уже зовут по рождению и по прежней фамилии – Кокион, Цагарон, Тхостон» [8, 135].

Кокиев выполнил просьбу Миллера о том, чтобы подыскать в Москве консультанта, переводчика текстов, помощника по работе над лингвистическим, фольклорным и этнографическим материалом для его будущей книги «Осетинские этюды». После длительных раздумий Кокиев рекомендовал Миллеру Туккаева, которого хорошо знал по Владикавказскому реальному училищу. В письме от 21 октября 1880 г. он писал Миллеру: «Еще обрадую

Вас, наконец, издали нашел Вам в Москве осетина, моего воспитанника Туккаева, с которым, кажется, Вы встречались летом здесь. Он теперь переехал из Лесного института (в Петербурге) в Петровскую академию (теперь Тимирязевскую). Я ему уже писал, чтобы он непременно явился к Вам. Он, как юноша неопытный, один на чужой стороне, сильно скучает и нуждается в нравственной поддержке, в которой Вы, надеюсь, по обычной доброте, не откажете... Он юноша хороший, только конфузлив» [1, 411]. С. А. Туккаев не подвел своего учителя, оказав Миллеру неоценимую помощь при создании «Осетинских этюдов» [25, 51-68].

В 1885 г. Миллер предложил Кокиеву стать постоянным корреспондентом московских этнографических изданий, однако тот не смог принять этого предложения. О причинах отказа Кокиев писал в письме к Миллеру от 28 августа 1891 г.: «Вы когда-то предлагали мне принять звание корреспондента, обещая при этом свое содействие. Тогда я уклонился от этого дела по неимению времени, а главное – потому, что нам, преподавателям, строго воспрещено циркуляром участие в периодич [еских] изданиях...» [6, 111]

Большой научный интерес представляют письма Кокиева к Миллеру. С. В. Кокиев был одним из первых корреспондентов-осетин, писавших Миллеру. Первое его письмо ученому датировано 30 сентября 1880 г. Затем идут письма от 21 октября 1880 г., от 15 ноября 1884 г. и от 28 августа 1891 г.

Секретарь Этнографического отдела ИОЛЕАЭ Богданов в своей рукописи «Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848-1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки» («Кавказ и осетиноведение», глава 14) привел выдержки из четырех писем С. В. Кокиева к В. Ф. Миллеру, которые ему предоставил Г. А. Кокиев из своего рукописного архива [1, 409-414]. Ценность их особенно велика в связи с тем, что Г. Кокиев в своей статье, посвященной С. В. Кокиеву, привел только небольшую часть цитат из этих писем. Г. Кокиев отметил, что пись-

ма были предоставлены ему из личного архива Миллера в Рукописном отделе Литературного музея им. А. М. Горького [12, 3]. Вероятно, это было сделано им до постановления Совнаркома СССР от 29 марта 1941 г., по которому около 3 миллионов единиц хранения, в основном рукописных материалов, были переданы из Государственного литературного музея Главному архивному управлению НКВД для организации Центрального государственного литературного архива (ныне РГАЛИ). В фонде В. Ф. Миллера в Рукописном отделе Литературного музея, в котором было 144 единиц хранения, осталось всего 10 единиц, и письма С. В. Кокиева к В. Ф. Миллеру в нем отсутствуют. Однако в личном фонде В. Ф. Миллера в РГАЛИ сейчас находится только одно письмо Кокиева к Миллеру от 28 августа 1891 г. Остальные, к сожалению, обнаружить не удалось.

Письма Кокиева к Миллеру содержат информацию по осетинской грамматике и ономастике. Так, в письме от 30 сентября 1880 г. Кокиев сообщил Миллеру сведения об ударении в осетинском языке в разных глагольных формах [1, 410]. В письме от 21 октября 1880 г. Кокиев изложил свои наблюдения о двух разновидностях осетинского звука *x* [1, 411]. Этот материал Миллер использовал при рассмотрении звука «*x* различного происхождения» («Отношение звуков осетинского языка к звукам иранского праязыка», глава III) [18, 73-74]. В том же письме Кокиев привел материалы по осетинской ономастике.

По письмам Кокиева к Миллеру можно судить и об их дружеских взаимоотношениях. В письме от 21 октября 1880 г. Кокиев писал: «В заключение, извольте Вам высказать чувство горячей признательности и глубокой благодарности за тот <нрзб.> и дорогой подарок, который Вы мне прислали, за Ваше внимание и расположение. Ваши ценные труды я буду беречь и хранить, как залог высокого внимания, дружбы, расположения ко мне. Одно меня страшно огорчает – удастся ли мне когда-нибудь взаимно доказать то же самое» [1, 412]. Миллер был первым, к кому Кокиев обратился за

советом и помощью после своей отставки в 1891 г. [6, 109-112].

С начала 80-х гг. XIX в. началась публикационная деятельность Кокиева в периодической печати и серийном издании. В 1881 г. Кокиев опубликовал в газете «Терские ведомости» очерк «Сел. Христиановское. Путевые заметки» [26]. В своем очерке он кратко описал трудовую жизнь крестьян в с. Христиановском, указав на ее трудности. Одной из причин относительного благополучия жителей селения он считал развитие ремесла и трудолюбие дигорцев. Кокиев указал на то, что у жителей селения ощущалась острая нехватка земли. По его сведениям, в селении насчитывалось 700 дворов, а земельных наделов было всего 360. Жители вынуждены были нанимать земли под пастьбу, пахоту, сенокос в соседних станицах, на что уходило от 30 до 40 тыс. руб. в год. Кокиев также писал о тесноте и неудобстве местной школы, в которой училось 60 учащихся, но еще 160 детей оставались за ее стенами. Он сетовал на медленные темпы строительства школьного здания, возводимого в центре селения.

В 1885 г. Кокиев издал в первом выпуске «Сборника материалов по этнографии, издаваемом при Дашковском этнографическом музее» статью «Записки о быте осетин» [27, 67-112]. Редактором издания был Миллер, ставший в 1885 г. хранителем Дашковского этнографического музея при Румянцевском музее.

В выпусках этого издания были опубликованы многочисленные исследования и материалы по традиционной культуре разных народов России. Перед публикацией все присылаемые работы проходили обстоятельную редакционную литературную обработку в Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ. Высоко оценивая издание, российский этнолог А. Н. Максимов писал, что из «Сборника материалов по этнографии...» «впоследствии развился первый в России специальный этнографический журнал “Этнографическое обозрение”» [28, 151].

Первоначально в первом выпуске ставилась цель «...содействовать собиранию

и обнародованию этнографических данных преимущественно из быта инородцев России и соседних с нею славянских народностей» [29, III]. Однако со второго выпуска программа издания была изменена: «Вследствие ограниченности редакция исключает статьи по этнографии русского населения России и будет помещать главным образом материалы для изучения быта русских инородцев» [30, 14]. Редакция, возглавляемая Миллером, обратилась «ко всем любителям этнографии с усердною просьбой содействовать предпринимаемому изданию сообщением материалов, особенно к тем лицам, которые имеют случай лично наблюдать жизнь инородцев России: на Кавказе, в Сибири и Средней Азии» [29, III].

14 ноября 1885 г. Миллер представил первый выпуск «Сборника» на заседании Этнографического отдела и от имени издателя передал экземпляр книги в библиотеку Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В своем сообщении Миллер отметил: «Первый выпуск нашего издания отличается той особенностью, что авторы четырех самостоятельных исследований принадлежат по происхождению сами к тем народностям, которые они описывают: болгарин Б. Н. Боев, автор статьи: “К брачному праву Болгар”; осетин С. В. Кокиев, – представившей записку “О быте осетин”, армянин Г. А. Халатианц, – поместивший “Общий очерк Армянских сказок”, латыш О. Я. Трейланд – автор статьи: “Крестинные обряды Латышей”» [30, 14]. В «Сборник» вошли также «Осетинские сказки» в переводе на русский язык и комментариями самого Миллера: две сказки были записаны им же («О Сирдоне» и «О Цопане»), две сказки («Кривой великан» и «Асаго») – С. А. Туккаевым [31, 113-140].

В предисловии к изданию подчеркивалось, что авторы первого выпуска «не случайные наблюдатели чуждого им быта, но лица, воспитывающиеся среди своей национальной обстановки и пишущие о родном быте. Нет сомнения, что сообщаемые ими данные отличаются полной достоверно-

стью. Редакция считает приятным долгом выразить им глубокую благодарность за готовность, с которой они откликнулись на предложение поместить свои труды в I выпуске «Сборника», и надеется на дальнейшее их участие в издании» [29, V]. При написании статей авторы первых выпусков «Сборника», включая С.В. Кокиева, руководствовались предложенными редакцией темами: «1) жилище...; 2) одежда и украшения; вооружение...; 3) пища...; 4) занятия по временам года...; 5) верования...; 6) обряды...; 7) произведения народной словесности...; 8) общественный и семейный быт...; 9) юридические понятия...» [29, IV] Все эти темы нашли отражение в изданной в 1887 г. «Программе для собирания этнографических сведений» [30, 1-38], составленной при Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ Н.Я. Янчуком. В том же году была издана «Программа для собирания сведений об юридических обычаях» [30, I-V], составленная М.Н. Харузиным. Обе программы бесплатно рассылались всем обращающимся в Этнографический отдел ИОЛЕАЭ авторам.

При работе над статьей Миллер оказывал Кокиеву консультативную помощь. Завершив работу над рукописью статьи, Кокиев послал ее Миллеру, который высоко ее оценил и дал несколько рекомендаций для окончательного литературного оформления. В письме к Миллеру от 15 ноября 1884 г. Кокиев писал: «Премного благодарен Вам, Всеволод Федорович, за лестный отзыв относительно моей статьи, а в особенности за советы Ваши, которыми я не премину воспользоваться, как только разделаюсь от своих дел, что будет скоро, до нового года» [12, 12]. После доработки рукописи, он направил ее Миллеру, который опубликовал ее в первом выпуске «Сборника».

В статье С.В. Кокиева «Записки о быте осетин» рассматривалась материальная и духовная культура осетин. В начале статьи обозначены темы, по которым она написана: «Устройство жилища; домашняя обстановка; посуда; музыкальные инструменты; одежда; вооружение; пища; земледелие;

скотоводство; народная медицина» [27, 67]. Кокиев осветил в статье примерно половину предложенных редакцией «Сборника» тем и обозначил их как первый раздел. Вероятно, вторую часть тем (верования, обряды, произведения народной словесности, общественный и семейный быт, юридические понятия) автор предполагал раскрыть во втором разделе статьи. Однако продолжения статьи не последовало, и она, к большому сожалению, так и осталась незавершенной.

Статья открывается подробным описанием жилища осетин, живших в нагорной полосе и на плоскости. Кокиев отмечал, что на общественные взаимоотношения осетин во многом влияла сакральная престижность жилища. Подчеркивая высокое значение, которое осетины придавали своему жилищу, он писал, что «только тот может иметь какое-нибудь значение в обществе и право голоса, кто обеспечен постоянным жилищем... Осетин тогда только становится граждански полноправным членом общества» [27, 67]. О важном месте жилища в глазах осетин, по его мнению, свидетельствовало и то, что всякое оскорбление жилища словом или действием каралось наравне с кровомщением [27, 67-68].

В зависимости от способа постройки Кокиев выделил различные типы осетинского жилища. Наиболее древними жилищами горцев он считал *галуаны*, которые включали в себя дом-крепость, хозяйственные постройки и башню. Кокиев подробно остановился на способе постройки горского жилища и конструкции крыши. Стены горского жилища складывались из камней, цемент между ними заменяла сухая земля. На стены клался толстый брус, на который концами плотно укладывались жерди. На остов накладывали хворост, ветви, солому, которые покрывались толстым слоем земли, преимущественно глины. Плоские крыши, огороженные со всех сторон невысокой каменной оградой, по его наблюдению, служили местом отдыха и проведения различных хозяйственных работ: молотбы, сушки зерна, шерсти и т.д. Вместо дымовой трубы в крыше оставляли

круглое отверстие, в которое вставляли деревянный цилиндр.

В более поздних жилищах плоскостной Осетии, по наблюдению Кокиева, уже устраивались дымовые трубы. Нередко можно было встретить и дома с черепичной и даже железной крышей, обставленные европейской мебелью.

Описание равнинных традиционных построек осетин Кокиев начал с *хадзара*, отметив его центральное расположение: «Средняя часть занята помещением, называемым туземцами хадзар... Если от кунацкой, т.е. от ворот, направимся прямо вдоль двора, то придем к дверям сакли (хадзар). Она от всех остальных построек отличается большею обширностью» [27, 78]. По мнению А.Х. Хадиковой, «как и у многих других народов, специфика организации пространства осетин заключалась в том, что представления о престижности ассоциировались с позиционным расположением в центре, посередине, справа. Этот принцип распространялся и на планировку» [32, 165].

Кокиев отметил высокий статус и ритуальные функции очага (*къона*), расположенного в хадзаре: «Осетин, вообще, очагу придает весьма высокое значение и жизнь его домашняя, главным образом, сосредотачивается здесь. Мать или отец благословляют сына в дорогу, дочь – при выходе замуж – здесь же; очагом осетин клянется... Из всякого приношения первый кусок, или первые капли бросаются в огонь» [27, 85].

Высокое значение очага в семейном культе осетин распространялось и на сакрализацию связанных с ним предметов. В первую очередь это касалось надочажной цепи (*рæхыс*). Отмечая строго регламентированное обращение к цепи, Кокиев писал: «В числе орудий первое место занимает, по своему высокому религиозному значению, цепь (*рæхыс*). Она основание всей домашней жизни, и оскорбление ее считается наравне с убийством.... Тот не очаг, не дом, где нет цепи, которая постоянно висит над очагом и служит для приготовления пищи. Всякое прикосновение к ней домашних без надобности, даже невинных детей, счита-

ется величайшим святотатством. Жертвенное животное непременно перед закланием должно коснуться ее, чтобы быть приятным Богу. Следовательно, она – посредник между человеком и небом» [27, 80-81].

Сакральные функции имел у осетин и ритуальный трехногий круглый деревянный столик – *фынг* (диг. *фынгæ*). Подчеркивая строго этикетные предписания по отношению к фынгу, Кокиев писал по поводу его святости: «Второе место по своему значению в домашней утвари занимает *фынг* (столик). ... В его глазах играет важную роль *фынг*, который его постоянно кормит: на нем ему подается пища. Это – небольшой, круглый точеный столик на трех ножках; он его чтит в высшей степени: при еде, безусловно, воспрещаются всякие непристойные разговоры и действия, оскорбления *фынга* хозяин никому не прощает; его именем прокликает, а также божится. Ничто остальное в домашнем обиходе осетина не имеет уже того таинственного, религиозного значения, как цепь и стол» [27, 81].

Этнологи выявили связи фынга с культовой практикой. Так, О.А. Габуева писала, что фынг в погребально-поминальной обрядности осетин использовался в качестве «жертвы» и в таком случае назывался *нывондаг* – предмет, жертвуемый и посвящаемый покойному. По ее полевым данным, фынг специально приобретали или заказывали к дню Новогодних годовых поминок (Ног азы афæдзы хист). После тризны фынг посвящался покойному и считался его собственностью, его не могли ни отдать, ни продать [33, 89-90]. В.С. Уарзиати считал осетинский фынг предметом глубоко архаичным, восходящим функционально к жертвенникам, генетически к индоевропейской традиции. Он писал, что понятие *фынг* в сознании осетин сопровождается почтительным отношением, граничащим со святостью [34, 107-108].

Кокиев писал, что все, что касалось приготовления и приема пищи, было чрезвычайно важным и даже торжественным. Он отмечал, что осетин никогда не приступал к пище, пока не воздаст должной благодарности Богу и святым, «таким образом,

перед пищей и после нее совершается как бы целое богослужение с большою торжественностью и со строгим подразделением всех этих божественных сил по иерархическим степеням» [27, 95]. Кокиев отмечал, что «несмотря на такое уважение к пище, осетин относительно ее отличается необыкновенной умеренностью, воздержанием и выносливостью. Неумеренность и обжорство считается большим пороком. Малейший намек на страдания голода считается высшим бесстыдством, бессовестностью, почему осетин действительно стически может переносить голод, не заявляя никому никогда об этом» [27, 96].

Кокиев указал на то, что в хадзаре существовали мужская и женская половины, при этом мужская этикетно считалась престижнее женской. Нарушение условной границы между двумя половинами, проходящей по центру хадзара, считалось нарушением этикетных норм: «Вообще правая сторона считается исключительно привилегией мужчин и туда женщина попадает редко, если не хочет оскорбить достоинства мужчины» [27, 81].

Спальнями служили отдельные помещения, обычно в глубине двора. По наблюдению Кокиева, «в каждом дворе столько отдельных помещений, расположенных, по возможности, вдали одно от другого, сколько женатых членов в семье, считая в том числе и родителей...» [27, 78]

Отдаленное расположение кунацкой, по мнению Кокиева, определялось обычаем гостеприимства, который предписывал, чтобы гость мог прийти в любое время суток и пользоваться «полнейшею свободою по самому расположению помещения, а с другой стороны, не мешает никому в семье, во дворе для исполнения обычных хозяйственных занятий» [27, 80]. Кокиев считал, что «кунацкая есть скорее общественное учреждение, нежели семейное, она играет весьма важную роль» [27, 79]. В отсутствие гостя это помещение отдавалось в распоряжение молодежи. Забота о гостях была первой обязанностью юношей, составляла их изначальные этикетные полномочия в семье: «Они должны подать умыться, по-

стлать постель, накормить, напоить, даже раздеть гостя и т.д. Все эти обязанности лежат на мальчиках. Если же их нет в семье, то это исполняют соседские мальчики, или же младший член семьи, непременно мужского пола» [27, 79].

Кокиев в своей статье не обошел вниманием и *зиу* (обычай коллективной взаимопомощи), который устраивался, по его наблюдениям, не только при сельскохозяйственных, но и строительных работах: «помещение строится по возможности и при участии всех членов семейства, приятелей и друзей, охотно принимающих участие в этих случаях» [27, 77].

С. Кокиев осветил в статье музыкальное творчество осетин и описал некоторые музыкальные инструменты. Известный осетинский композитор и глубокий исследователь традиционной музыкальной культуры осетин Ф.Ш. Алборов отмечал, что статья Кокиева содержала ценные сведения об осетинском музыкальном творчестве. В своей книге «Музыкальная культура осетин» Ф. Алборов привел отрывок из его статьи, из которого «видно не только особое отношение и любовь осетин к искусству пения, но и довольно четкая жанровая дифференциация их песенного фольклора» [35, 9]: «Здесь же, у очага, осетин проводит свой досуг, наполняя его музыкальными развлечениями. У него для этой цели существует масса бытовых, героических, сатирических и юмористических песен и их ежегодно создается множество, хотя они скоро также бесследно исчезают и забываются, как всякое изустное предание. Поводом к сложению песен служит всякое ненормальное явление в общественной или семейной жизни; этими песнями осетин карает все, что несогласно с народным мировоззрением или воспекает все, что достойно похвалы. Поэтому в народе весьма развито искусство пения (конечно, своеобразное); редко встретишь осетина, не умеющего петь...» [27, 85]

Ф. Алборов обратил внимание читателей на то, что Кокиев описал в статье существующий обычай осетинского застолья, который свидетельствовал не только о бо-

гатстве музыкальной культуры осетин, но и о глубоком знании народом своего песенного творчества: «Во время пиршеств, когда все сильно выпьют, но чувство гостеприимства хозяина еще не удовлетворено, можно от круговой чаши откупиться пением. Каждый из присутствующих на пиру (а их иногда собирается человек 30 или 40) должен или выпить чашу, или спеть песню, отнюдь не повторяя при этом петой до него. Конечно, 20-му, 30-му и 40-му выбор темы для своего соло при этом условии бывает весьма затруднителен; тем не менее, чаша иногда, минуя всех, возвращается по принадлежности к хозяину не выпитую. Даже существуют специальные вечеринки и праздники, которые проводятся в пении и музыкальной игре до самого утра...» [27, 85-86]

Алборов отмечал также, что осетинские традиционные музыкальные инструменты не ограничивались рассмотренными Кокиевым двухструнной скрипкой (*хъысын-фæндыр*), пастушьей свирелью (*уадындз*) и арфой (*дыууадзæстæнон*), которые, по его свидетельству, «...почти изгнаны из употребления гармоникой, которая сильно распространяется, будучи весьма доступна по цене» [27, 87]. По мнению Алборова, статья Кокиева «явилась, таким образом, едва ли не первой работой осетинского автора, более или менее обстоятельно осветившей некоторые стороны музыкального быта и творчества осетин» [35, 10].

Кокиев рассмотрел в своей статье традиционную одежду осетин. Народная мужская одежда осетин состояла из рубахи, штанов, бешмета, черкески, папахи, самодельной обуви, а также из шубы, бурки и башлыка. Кокиев кратко остановился и на женской одежде, которая, по его мнению, «по своему крою ничем существенно не отличается от мужской, кроме большей длины и более яркого цвета» [27, 90].

Кокиев описал также виды осетинской обуви. Наиболее распространенным видом обуви он считал чуваки из домашнего сукна или сафьяна.

В статье Кокиева нашла отражение и

традиционная система воспитания. Он писал, что в мальчиках с детства воспитывалась терпимость к физической боли. Запрет обращения к старшим с какими-либо жалобами был результатом «суровой системы воспитания, внушающей осетину полнейшее пренебрежение ко всем телесным потребностям. Никакие физическая боль и страдание не должны вызывать у него ни одного стога или жалобы» [27, 96].

Кокиев уделил внимание описанию традиции в большой патриархальной семье, для которой было характерно отсутствие общего застолья. Он подчеркнул, что каждому приему пищи предшествовала молитва: «Осетин никогда не приступит к пище, пока не воздаст должное торжественно Богу, своим святым» [27, 94].

Кокиев рассмотрел обычаи распределения ритуальной пищи: «самыми почетными частями мяса считаются голова, сердце шея. Они всегда подаются старшему за столом и общему дележу между присутствующими не подлежат... часто эти части отправляются из дома соседям, если где имеется почетный старик» [27, 101].

Кокиев писал, что одним из главных начал общественной и семейной жизни осетин было уважение к старшим: «Одно из таких руководящих начал его семейно-социальной жизни – это безусловное уважение к старшинству лет, опыту, имеющим право повелевать, внушать, требовать полного безусловного почтения и повиновения. ... Но в то же время старший не деспот: малейшее злоупотребление своею властью, своим правом, какое-нибудь деспотическое отношение ведет к полному подрыву его значения в общественном мнении, к полному падению его авторитета» [27, 74-75]. Кокиев отметил количественный состав патриархальной семьи, составляющей «до 40 и более, потому что раздел между братьями при жизни родителей явление слишком редкое и ненормальное...» [27, 77]

Кокиев кратко рассмотрел также отрасли хозяйства, которым занимались осетины. Земледелие, по его мнению, преобладало в горах, скотоводство – на плоскости.

Завершающей темой статьи Кокиева

стала народная медицина. Обращение к знахарям при лечении болезни определялась, по его свидетельству, пониманием ее первопричины: «Всякая болезнь, по мнению осетин, предопределение свыше, несчастье, посылаемое за грехи в наказание тем божеством, которому подведомственна данная болезнь» [27, 106]. Кокиев перечислил способы гаданий, к которым прибегали знахари: гадания на палочках, на фасоли и углях. Он отметил, что с развитием грамотности у осетин, популярность знахарей была поколеблена.

Первый выпуск «Сборника материалов по этнографии...» получил высокую оценку академика К. Г. Залемана, который с 1990 по 1916 г. возглавлял Азиатский музей Императорской академии наук. В рецензии, опубликованной в 1886 г. в «Записках Восточного отделения Императорского русского археологического общества», он отмечал, что «1-й выпуск вышел весьма разнообразным и интересным» [36, 35]. По поводу неоконченной статьи Кокиева Залеман писал: «Приятное впечатление производит глубокая любовь автора к своему рыцарскому народу, но в то же время он не скрывает, что наша цивилизация все более и более проникает в горы и ущелья Осетии, подгоняя древние патриархальные нравы своему не всегда благотворному влиянию» [36, 36].

Статья Кокиева «Записки о быте осетин» была широко использована М. М. Ковалевским в его фундаментальном труде «Современный обычай и древний и закон». Во второй главе I тома «Религиозные верования и общественное устройство осетин». Ковалевский ссылался на статью Кокиева при освещении численного состава большой семьи у осетин, описания жилища и обрядов, связанных с жертвенным приношением огнем [23, 68, 76, 79].

Видный этнограф-кавказовед М. О. Косвен в своей книге «Этнография и история Кавказа» писал: «Но при любом знакомстве с кавказоведческой этнографической литературой, начиная с 90-х годов XIX века до наших дней, совершенно очевидно распространение в этой литературе тем, поднятым Ковалевским, в частности, обычного права,

семейной и соседской общины... Из числа авторов-кавказоведов прямыми учениками Ковалевского либо испытанными его влияние могут считаться Н. Л. Абазадзе, Б. К. Далгат, С. А. Егиазаров, С. В. Кокиев, Б. Н. Миллер, Н. Н. Харузин, А. С. Хаханов и Х. С. Самуэлянец» [24, 244].

Г. А. Кокиев считал, что «причина успеха этнографического очерка С. Кокиева заключалась в том, что автор написал его исключительно на основе личных наблюдений над бытом своего народа. Он не был случайным наблюдателем чужого ему быта, а описывал быт родного народа, среди которого родился и вырос... Сообщаемые Кокиевым в его этнографическом очерке факты и наблюдения из осетинского быта заслуживают безусловного доверия» [8, 136-137].

Без широкого привлечения материалов из статьи Кокиева не обходится ни одно современное исследование о духовной жизни осетин. Ярким подтверждением этому служит недавно изданная монография этнолога А. Х. Хадиковой «Этнические образы и традиционные модели поведения осетин» [32].

В 1887 г. Кокиев опубликовал в газете «Терские ведомости» статью «Калым у осетин» [37]. Обычай взимания калыма у осетин он считал фактором, способствующим распространению воровства. Автор отметил, что размеры калыма, в нарушение общественного приговора 1881 г., установившего его максимальный в сумме 100 руб., подскочили до 500-1000 руб. Кокиев осуждал родителей, которые устраивали рыночный торг своими дочерьми, увеличивая калым. По его мнению, необходимость выплаты высокого калыма приводила женихов к воровству, мести и другим преступлениям.

Кокиев был убежден, что «с какой бы стороны не посмотреть, а современный характер калыма для Осетии есть величайшее зло и в экономическом и нравственном отношении, такое грандиозное зло, которое грозит развиться до того, что в самом продолжительном времени разорит дотла народное хозяйство, если не принять

против него своевременных мер» [37]. Он просил вмешаться в этот вопрос и администрацию Терской области, установив более строгий контроль над нарушителями приговора 1881 г.

Кокиев призвал народ и интеллигенцию Осетии собраться в ближайшее время для обсуждения этой насущной проблемы. Он предлагал даже поставить вопрос о полной отмене калыма, тем более что такие примеры уже были в лице покойных Татари Саламова и Хатахцо Ходова, которые выдали своих дочерей замуж без всяких калымов.

На статью Кокиева на страницах газеты «Северный Кавказ» откликнулся анонимный автор с заметкой «По поводу статьи г. Кокиева «Калым у осетин»» [38]. По его мнению, С. В. Кокиев в своей статье смешивал понятие калым с материальным обеспечением жены на случай развода, именуемый у разных народов Северного Кавказа по-разному: накях, кебин, мехр, урду.

В 1901 г. в трех номерах газеты «Терские ведомости» была опубликована статья Кокиева «Похоронные обряды у осетин» [39], посвященная похоронным обрядам осетин-мусульман. В начале статьи автор подчеркнул, что среди обычаев осетин он видит как положительные, так и отрицательные. По его мнению, подлежали уничтожению такие обычаи, как поминки, кровомщение и другие. Такие же обычаи, как почтительность младших к старшим, посещение больных, участие к горю близкого, призрение бедняков и сирот, автор приветствовал.

Кокиев подробно остановился на обычае посещения больного родственниками, соседями, односельчанами и даже жителями других селений. В случае смерти человека родственники и соседи спешили в дом покойного, чтобы выразить соболезнование родным. Для оповещения односельчан о печальном событии отправляли общественного глашатая (*фидиуаг*), который, останавливаясь по всем перекресткам улиц, громко и протяжно кричал, что умер такой-то. С целью оповещения родственников в других селениях о смерти человека посылали всадников *хъарганæг* – печаль-

ных вестников. Кокиев отметил, что получив весть о кончине родственника, мужчины и женщины отправлялись в дом покойного, мужчины верхом впереди, а женщины – позади на арбах. Он указал на то, что родственники и соседи не ограничивались соболезнованием, а принимали активное участие в погребении покойника. Относительно этого обычая он писал: «Так одни – обыкновенно соседи, дальние родственники, друзья или сверстники почившего, идут рыть для последнего могилу, другие едут в лес за дровами, третьи в поле за сеном, а то приобретают последние путем покупки, если только в них в данный момент ощущается недостаток в семье умершего, некоторые готовят доски, которыми будет покрываться тело покойника в могиле (у магометан употребление гроба не практикуется), четвертые делают для покойника похоронное белье и т.д., словом, посторонние принимают на себя почти все заботы и хлопоты по погребению покойника» [39].

Кокиев указал на то, что погребение покойника у осетин-мусульман происходило в день смерти, а если смерть наступала вечером или ночью, то на следующий день. Перед погребением мулла обмывал тело покойника водою, одевал его в новое белье и обертывал в кусок ткани. Покойника клали на похоронные носилки, которые хранились при мечети, и ставили посреди двора. После кратких молитв муллы в честь покойника устраивалась церемония посвящения коня. Кокиев писал «Оседланный конь, покрытый траурным покрывалом, подводится к изголовью покойника; кто-нибудь из стариков, знающих обряд, берет в руки чашку с араком или пивом и произносит формулу посвящения. Затем, дав коню отведать напиток, выливает последний на копыта его, чем заканчивается церемония» [39]. Во время проведения церемонии посвящения коня все присутствующие хранили гробовое молчание.

После обряда посвящения коня происходило прощание с покойным, сопровождаемое общим плачем. На кладбище носилки с покойником несли несколько человек, впереди шли мужчины, а на некотором

расстоянии позади них – женщины. Перед погребением мулла читал над покойным отходную молитву. В течение первых трех дней, утром и вечером, мужчины во главе с муллой приходили на кладбище к могиле покойного, где участвовали в молитве. Чуть позже мужчин на могилу приходили женщины, чтобы устроить оплакивание.

В день смерти покойника за упокой его души бедным раздавалась материя на платья, которая покупалась семьей умершего либо кем-то из родственников. Мулла за свои труды получал одежду покойника или ее часть.

После похорон устраивались поминки. Резали быка, корову или несколько баранов. В течение первых трех дней после похорон соседки и родственницы не оставляли пострадавшую семью, они оставались в доме для помощи в домашних работах. Кокиев перечислил поминки, которые справлялись по покойнику в течение года: поминки в день похорон, поминки в первые три пятницы, поминки в троицкую «родительскую» субботу, поминки в день малого и большого байрама и годовые поминки. В первые три пятницы устраивались малые поминки, на которых присутствовали ближайшие родные и соседи покойника. Обязательным элементом поминок был обряд посвящения пищи покойному, который устраивали перед началом поминальной трапезы. Кокиев привел текст ритуальной молитвы, которая произносилась при посвящении пищи.

Кокиев отметил, что наиболее многлюдными были годовые поминки, в которых принимали участие все мужское население селения. По данным автора, расходы на эти поминки были огромны: резали несколько голов крупного рогатого скота и несколько десятков мелкого скота, заготавливали сотни ведер араки, десятки пудов хлеба и разных пирогов. Бремя расходов разделяли и родственники, они доставляли часть провизии для поминок. Соседи тоже не оставались безучастными, она брали на себя заготовку и доставку из леса дров, необходимых для гонки и варки араки.

Кокиев подробно описал скачки, которые устраивали в честь покойного во время поминок. По данным автора, призами на скачках были деньги или предметы одежды (от 3 до 15). Кокиев указал на два вида скачек: по кругу или на определенное расстояние (70-80 верст).

Подводя итог описанию похоронных обрядов осетин, Кокиев отмечал, что поминки «до того разорительны, что многие после них надолго бывают лишены возможности сколько-нибудь сносно вести свое несложное хозяйство. В последнее время все стали сознавать разорительность поминок; но так как они освящены давностью времени и общественным мнением, то никто не решается нанести им последний смертельный удар, не рискуя за это сделаться в глазах окружающей среды предметом презрения и посмешищем» [39].

Таким образом, С. В. Кокиев внес значительный вклад в этнографическое осетиноведение. Г. А. Кокиев писал, что он «... является одним из выдающихся просветителей осетинского народа второй половины XIX в. и лучшим знатоком его этнографии» [8, 133]. В этой же статье ученый обратил внимание читателей на важную сторону его этнографического наследия: «Выдающийся этнограф осетинского народа, С. В. Кокиев своей научной и общественной деятельностью популяризировал среди лучших представителей русской науки неисчерпаемые духовные богатства даровитого, по выражению В. Ф. Миллера, осетинского народа и способствовал приобщению осетин к передовой культуре русского народа» [8, 137]. М. О. Косвен в своем историографическом труде «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» посвятил деятельности С. В. Кокиева отдельную справочную статью, в которой перечислил его основные работы, привел биографические данные, отметил его сотрудничество с В. Ф. Миллером в деле собирания и изучения осетинского фольклора и оказание консультативной помощи М. М. Ковалевскому [40, 168].

1. Богданов В. В. Всеволод Федорович Миллер. К столетию со дня рождения (1848–1948). Очерк из истории русской интеллигенции и русской науки. 1948 // Научный архив Института этнологии и антропологии РАН. Ф. 21 (Богданов В. В.). Д. 8а.
2. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 63.
3. НА СОИГСИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64.
4. НА СОИГСИ. Ф. Дзагурова Г. А. Оп. 1. Д. 69 а.
5. Центральный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 130. Оп. 1. Д. 66.
6. Калоев Б. А. Миллер-кавказовед (исследования и материалы). Орджоникидзе, 1963.
7. Такоев С. К истории революционного движения на Тереке (По личным воспоминаниям) // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926. Вып. II.
8. Кокиев Г. А. С. В. Кокиев – этнограф осетинского народа // Советская этнография. 1946. № 2. С. 133-137.
9. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. I.
10. Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887.
11. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под. ред. и доп. А. А. Фреймана. Л., 1927. Т. I.
12. Кокиев Г. А. С. В. Кокиев – этнограф осетинского народа // НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 396.
13. Миллер В. Ф. Сообщение о поездке в Горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 года // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1884-1885. Т. VIII. С. 198-204.
14. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под. ред. и доп. А. А. Фреймана. Л., 1927. Т. I; 1929. Т. II; 1934. Т. III.
15. Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 2007. С. 335-376.
16. Миллер В. Ф. В горах Осетии // Русская мысль. М., 1881. Кн. XI. С. 55-105.
17. Алборов Б. А. Первый осетинский поэт Темирболат Османович Мамсуров // Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ, 2005. Кн. 2. С. 168-207.
18. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. II.
19. Хуссар Ирыстоны фольклор. Сталинир, 1936. (на осет. яз.)
20. Ирон адæмон аргъæутæ / Сост. Бязыров А. Х. Сталинир, 1960. Т. 2. (на осет. языке)
21. Хетагуров К. Л. Лæскъдзæрæн (В пастухах) // Хетагуров К. Л. Собр. соч. в 5-ти томах. Владикавказ, 1999. Т. 1. С. 180-191.
22. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 157-176.
23. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. I.
24. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
25. Гостиева Л. К. Из истории осетиноведения: Соломон (Габуди) Туккаев // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 17 (56). С. 51-68.
26. Кокиев С. Сел. Христиановское. Путевые заметки // Терские ведомости. 1881. № 20.
27. Кокиев С. В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее (СМЭДЭМ). 1885. Вып. I. С. 67-112.
28. Максимов А. Н. В. Ф. Миллер // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. 98-99. №3-4. С. 85-152.
29. СМЭДЭМ. 1885. Вып. I.
30. Труды этнографического отдела. Протоколы // Известия Императорского обще-

ства любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. 1888. Т. 48. Вып. II. Кн. VIII.

31. Миллер В. Ф. Осетинские сказки // СМЭДЭМ. 1885. Вып. I. С. 113-140.

32. Хадикова А. Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015.

33. Габуева О. А. Крестьянские промыслы осетин во вт. пол. XIX – нач. XX в.: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М., 1977.

34. Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе, 1987.

35. Алборов Ф. Ш. Музыкальная культура осетин. Владикавказ, 2004.

36. К. З. [Рец. на: Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском Этнографическом Музее. Вып. I. Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1885] // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. 1886. СПб., 1887. Т. 1. С. 35-37.

37. Кокиев С. В. Калым у осетин // Терские ведомости. 1887. № 4.

38. Б. а. По поводу статьи г. Кокиева «Калым у осетин» // Северный Кавказ. 1887. № 7.

39. К-ев. Похоронные обряды у осетин // Терские ведомости. 1901. № 20, 23, 26.

40. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. 1962. Ч. III. С. 158-288.